

*Инна Титаренко-Качура
г. Бургас, Болгария*

О ВЛИЯНИИ СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА БОЛГАРСКУЮ КУЛЬТУРУ (В РАМКАХ ПРОЕКТА РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ)

Проблема поиска путей улучшения методов обучения русскому как иностранному была всегда актуальной. Для современного этапа развития модернизация обучения русскому языку обрела особое значение в связи с принятием Советом Европы страсбургского соглашения «Общеввропейская компетенция владения иностранным языком» и вхождением России в европейское образовательное пространство.

Эти идеи гуманитаризации образования находят поддержку у представителей различных отраслей знаний – культурологов, лингвистов, методистов, – всех, кто поддерживает идею лингвокультурологического подхода в методике обучения русскому языку как иностранному. Учитывая вышесказанное, сегодня по-другому следует определять и стратегическую цель обучения русскому иностранных студентов (особенно в неязыковом ВУЗе). Как и ряд современных исследователей – А.С. Ахиезер [1, с. 38], Т.А. Дмитренко [2, с. 121], В.А. Маслова [4, с. 56] – мы полагаем, что акцент следует делать на формировании «вторичной языковой личности» [3, с. 30], владеющей навыками межкультурной коммуникации.

В рамках данного проекта в российской и зарубежной методике преподавания иностранных языков особую актуальность обретают проблемы взаимоотношения народного творчества и языка, фольклора и национального менталитета. Использование материалов УНТ – народной сказки в особенности – в процессе обучения русскому языку давно вызывает большой интерес у практиков и теоретиков.

Каждый народ имеет свой особый неповторимый сказочный репертуар. Вместе с тем, в сказках разных народов, очень далеких друг от друга в географическом и этническом отношении, можно обнаружить не только общие образы, но даже сходные художественные приемы. Определение лингвокультурных особенностей сказочных текстов мы предлагаем осуществлять путем сравнительно-типологического анализа болгарских, английских и русских сказок: их повествовательной манеры, структурно – композиционных элементов (образов, мотивов, сюжетов, концептов), антропонимических характеристик, стилистической характерности.

«Современная Болгария, – как отмечает доктор Рональд Хытын, – находясь на перекрестке между Востоком и Западом, имеет трех основных этнических предков: фракийцев, славян и болгар. Хотя эти народы изначально были отдельны и этнически и культурно, и религиозно, но именно эта смесь, которая внесла свой вклад в богатое наследие современной Болгарии, до сих пор оживленно подпитывает фольклор и традиционную болгарскую культуру» (перевод мой – И.Т.) [5].

Ряд современных фольклористов находят фольклорные и сказочные традиции различных европейских народов в русской сказке. Это исследование Егорова О.А. выявляющие традиционные формулы как явления народной культуры в русской и европейских сказках; работы Новикова Н.В., обращенные к общности поэтической образности и национального менталитета в русской и болгарской сказках, исследования Р. Ляховецкой, В. Гоп-мана, И. Гейнце и многих других, затрагивающих различные аспекты межкультурной коммуникации.

Мотивы и образы русской сказки о Коте в сапогах встречаются в разных вариантах сказок южнославянских (болгарского) народов: «Силниятльв и малката мишка», «Котката и глупавите селяни». А трогательный сюжет об оклеветанной сестре, например, известный в XII веке, на юге Англии, вплоть до XVI века, подвергался многочисленным литературным обработкам на английском, французском, немецком, русском, болгарском и других языках, – английская «Тростниковая шляпка» сразу воспроизводит в памяти русскую «Золушку» или болгарскую «Дъщерята на Говедаря», героиня которой не только покорила сердце великолепного принца своим трудолюбием, но смогла привить и ему любовь к труду.

Болгарские сказки своеобразны и по разработке национального сюжета, и по своей повествовательной манере, но они в значительной степени ближе к русским по некоему славянскому духу. Например, английский Том, резко отличается от своего болгарского собрата («Педя Човек») и русского «мальчика с пальчика». Мы бы сказали, что английский «мальчик с пальчик», по сравнению с русским и болгарским, которые совершают множество проделок, иной раз даже весьма озорных, – характер созерцательный, пассивный, сам он ничего не затевает, но когда волею судьбы попадает в какие-нибудь передряги, то спасается благодаря своему маленькому росту. В то время как русская и болгарская – славянские – сказки, прославляя ум и находчивость героя, как бы говорят: вот, что можно сделать, если изловчиться; английская просто утверждает: вот из каких положений можно выйти, если ты маленького роста.

Таким образом, тексты народных сказок обладают огромным потенциалом, обращение к которому позволяет студентам, изучающим русский язык как иностранный, глубже понять особенности национального менталитета, социальных поведенческих норм, – что, безусловно, формирует навыки их лингвокультурной компетенции.

С середины 1990-х гг. Союз переводчиков и Институт литературы Болгарской Академии наук работали над проектом по изучению рецепции переводов европейских литератур в Болгарии, результаты которого будут представлены в восьмитомном издании. Второй том, включающий работы о русской литературе, содержит 47 статей-персоналий и 5 обзорных, посвященных влиянию русских писателей на болгарскую культуру с середины XIX в. до конца XX в.

Среди сборников докладов и статей, предлагающих сравнительно-типологические исследования вопросов русской и болгарской литератур, особо следует выделить серию факультета славянской филологии Софийского университета «Св. Климент Охридский», где на протяжении нескольких лет были опубликованы работы, посвященные А.С. Пушкину (Л. Димитров), А. Платонову (Т. Георгиев), Д. Хармсу (И. Захариева), И. Бродскому (Р. Евтимова), куртуазным маньеристам (М. Костова-Панайотова), модернистской и постмодернистской версиям апокалипсиса в русской литературе (Р. Божанкова), В. Войновичу (Н. Черняева). Два сборника представили работу международных конференций, проведенных в других болгарских университетах – Велико-Тырновском («Западноевропейский модернизм и славянские литературы») и Шуменском («Русский язык и литература в современном обществе»). Среди специализированных изданий следует отметить также журнал «Болгарская русистика», который охватывает широкий спектр научных проблем, рассмотренных с разных методологических позиций: «Язык тела в драматической трилогии А.К. Толстого» Румяны Корсемовой; «Лермонтовский герой: проблемы онтогенеза» Радославы Илчевой; «Мифологизация поэта в России конца XVIII – первой трети XIX века и аспекты сакрализации Пушкина: «К проблеме русской ментальности» Денки Крыстевой; «Жизнь человека» и «Анатэма» Л. Андреева в контексте русского экспрессионизма» Татьяны Федь. Эти материалы могут быть предметом особого изучения на занятиях по русскому языку.

Кроме использования материалов *УНТ*, на наш взгляд, одним из средств активизации познавательного интереса студентов может быть обращение к *комическому, неолгизмам, окказионализмам и пр.*

Неологизмы приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией. Окказионализмы – это индивидуальные авторские образования, существующие лишь в том контексте, в котором они появились. Они всегда создаются непосредственно в тексте, а не воспроизводятся как готовые единицы. Они даже потенциально в языке не присутствуют, системной, языковой и общественной потребности в них нет, но творчески создаются они по имеющимся в языке моделям. На основе этих словообразовательных новаций возникает и новое РСК, которое мы условно назовем «окказиональной этимологизацией». Этот прием, как и многие РСК, основан на неожиданной для читателя подмене привычной семантики или стилистической тональности чем-то другим, ситуационно неоправданным: «Быстрота смены ожидаемого более или менее противоположным есть неперенное условие смеха» (А. Потебня) [6, с. 32]. Например, М. Слободской, высмеивая словесную абракадабру городских вывесок, заставлял своего оглушенного каскадом новых словообразований героя задавать себе вопрос: «Кто шьет в артели «Индпошива»: индус, индеец или индюк?» [7, с. 23]. Читатель неожиданно получает новое, контрастирующее со знакомым значение лексемы, превращенной в омоним известного ему слова. Пример из постсоветских реалий: барбос – хозяин кооперативного бара, стричь купоны – получать деньги, пенкосниматель – шеф-повар, главбух – командир батареи. Или более современное: колбаски – поклонницы Коли Баскова или абрамовничать – не бриться несколько дней. Пример использования: «Пошли с друзьями в поход, так я всю водную часть *абрамовничал*, а как только вышли на сушу, все-таки побрился», лужкануть – уйти в отпуск и потерять работу по возвращении. Пример использования «Знаешь, как Серега *лужканул*: приехал с Мальдив, а весь его отдел разогнали» и т.п.

Зачастую аббревиатуры паронимически сближаются с частицами. Так появляются комические фразеологизмы: НИИ рыба и НИИ мясо, НИИ то и НИИ се, НИИ пуха и НИИ пера; или аббревиатура как пароним заменяет первую часть составного слова – ВНИИбрачный институт.

Современная языковая ситуация постмодерна характеризуется стремлением к использованию юмора, проявляющегося в различных бытийственных сферах, – что является специфическим феноменом, создающим предпосылки окказиональной этимологизации. Тот, кто хорошо понимает анекдот, тот знает в совершенстве язык.

Образование неологизмов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в современный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких перетрубадий являются либо потребности самого языка – недостаточность или избыточность тех или иных образований, либо определенный социальный заказ, наконец, просто языковая мода. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые создают абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов. Введение новой бытовой техники приводит к образованию необычных глаголов: *пылесос - пропылесосить*; *ксерокс – отксерить* и пр.

Таким образом, тексты народных сказок, как и словообразовательные новации, обладают огромным потенциалом, использование которого позволяет студентам, изучающим русский язык как иностранный, глубже понять особенности национального менталитета, социальных поведенческих норм, – что, безусловно, формирует навыки их лингвокультурной компетенции.

Список литературы: 1. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии. // Вопросы философии. 2000. – № 9 – С. 29–45. 2. Дмитренко Т.А. Профессионально ориентированные технологии обучения. Монография. М.: Прометей, 2003. – 327 с. 3. Каменская О.Л. Вторичная языковая личность – методологическая основа межкультурной парадигмы в лингводидактике. М.: МГЛУ, 1998, – Вып.440. – С. 30–35. 4. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001, – 208 с. 5. Роналд Хътън Български Мит и фолклор. <http://www.spellintime.fsnet.co.uk/folklore.htm>. 6. Потебня А.А. Мысль и язык. // Потебня А.А. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999. – С. 32. 7. Слободской М.Р. Сатирические стихи. // Библиотечка Крокодила. М., 1957, № 165. – С. 23.